Пыжова Олеся Владимировна

ОБРАЗ РОССИИ: ОТ ЗАПАДНИЧЕСТВА К СЛАВЯНОФИЛЬСТВУ (ПО ПИСЬМАМ К. Д. КАВЕЛИНА)

В статье предпринимается попытка показать, что в русской философии XIX века кроме крайностей западничества и славянофильства имела место идейная эволюция от одного направления мысли к другому, поиски неких идейных компромиссов между ними. По письмам К. Д. Кавелина прослежена его мировоззренческая трансформация к более реалистической и многоаспектной оценке культурного опыта Западной Европы в его соотнесении с русской действительностью пореформенного периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 166-169. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

9. **Мамардашвили М. К.** Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
10. **Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.** Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 216 с.
11. **Межуев В. М.** Модернизация и глобализация - два проекта «эпохи модерна» // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К. Х. Делокаров. М.: КМК, 2005. 236 с.
12. **Олейник С. М.** Философские модели интерпретации символов и их онтологические основания: дисс. ... канд. филос. н. Барнаул, 2004. 179 с.
13. **Поляков А. М.** Символ как условие продуктивного действия // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 63-73.
14. **Творчество в научном познании.** Минск: Наука и техника, 1976. 231 с.

KEY PARADIGMS OF SOCIAL REALITY CODING

Aleksei Grigor'evich Pudov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy, History and Social-Economic Sciences
Yakut State Agricultural Academy
agro-on-line@yandex.ru

The article reveals the two key paradigms of social reality coding caused by the dichotomy of "coding - interpreting" consciousness symbols. The essence of these paradigms is revealed by means of the description of the mythological and metaphysical interpretation of symbols. The methodological importance of coding social reality in respect to the description of modernization projects and objective processes of modern culture is specified.

Key words and phrases: social reality coding; symbols; studies of symbols; sign and symbolic interpretation; modernization; myth-logos; knowledge-understanding.

УДК 130.2

В статье предпринимается попытка показать, что в русской философии XIX века кроме крайностей западничества и славянофильства имела место идейная эволюция от одного направления мысли к другому, поиски неких идейных компромиссов между ними. По письмам К. Д. Кавелина прослежена его мировоззренческая трансформация к более реалистической и многоаспектной оценке культурного опыта Западной Европы в его соотнесении с русской действительностью пореформенного периода.

Ключевые слова и фразы: славянофильство; западничество; пореформенная Россия; Россия и Европа; образ России.

Олеся Владимировна Пыжова
Кафедра философии
Курский государственный медицинский университет
olvp@bk.ru

ОБРАЗ РОССИИ: ОТ ЗАПАДНИЧЕСТВА К СЛАВЯНОФИЛЬСТВУ (ПО ПИСЬМАМ К. Д. КАВЕЛИНА)©

В истории и культуре каждого этноса процесс формирования национальной идентичности, становления национального самосознания, осознания своей исторической задачи и места в этнокультурном пространстве происходит в том числе через сравнение себя с другими народами. Более того, отправной точкой в проявлении национального самосознания является пробуждение в народе осознания себя (своего народа) и своей культуры как соразмерной, в принципе, другим народам и культурам, ощущения своей причастности к развитию (духовному и цивилизационному) всего человечества [7, с. 58]. В истории России подобным примером может служить своеобразный этнодуализм «Россия - Европа», или шире «Россия - Запад», обсуждение которого, особенно бурно начавшееся в XIX столетии с известного спора западников и славянофилов, не теряет своей актуальности и в XXI веке.

Как известно, западники, увлеченные новой для них европейской философией и европейской культурой в целом, предприняли попытку перенести ее достижения в незрелую русскую философию и культуру. При этом они были глубоко убеждены, что самобытного исторического пути у России нет и быть не может, поскольку она, наша страна, волей-неволей погрузившись с саму себя, безнадежно отстала в развитии от мировых (европейских) цивилизаций. В результате единственно верным курсом для ее исторического прогресса было бы, в их глазах, перенять опыт Запада и развиваться далее уже в нормальном общецивилизованном русле. В свою очередь, славянофилы настаивали на исключительной ментальной самобытности русского народа, поддерживая позицию православия и общинного образа жизни как основ исторического бытия русского

© Пыжова О. В., 2011

народа. А потому все попытки навязать России традиции чужих культур, в том числе и Запада, с их точки зрения неизбежно повлекут за собой трагические и в чем-то опасные для нее последствия.

Вопреки распространенному в научной и особенно учебной литературе мнению, славянофилы и западники не явно противоположные направления русской мысли XIX века, а, скорее, дополняющие друг друга течения. В их идейной ориентации существовало некое единое ядро, а именно: самоопределение русского народа и те и другие мыслили через освоение его исторического прошлого, осознание исторических задач настоящего и направленность исторического развития будущего. Различали же их, по сути, только средства и способы достижения этой цели: западники были глубоко убеждены, что все внешние формы столь уважаемой ими западной цивилизации с ее техническими достижениями, наукой, законодательством и государственными формами будут только способствовать проявлению и реализации наших коренных ценностных идеалов [3, с. 49]; а славянофилы, в свою очередь, полностью не отвергая проявлений западной культуры на русской почве, все же считали, что создание русской цивилизации возможно только по собственному уникальному, самобытному сценарию.

Такая сложная взаимосвязь этих двух направлений русской мысли не могла не отразиться на воззрениях их представителей, даже основателей, главных идейных вдохновителей этих двух лагерей. Примечательным, но малоизвестным примером таких исканий представляются философские размышления Константина Дмитриевича Кавелина (1818-1885). В настоящей работе нас, прежде всего, будут интересовать его философские умонастроения третьей четверти XIX века, претерпевшие тогда значительные изменения по сравнению с началом знаменитого спора западников и славянофилов.

Напомним, что К. Д. Кавелин уже во время учебы в Московском университете стал посещать достаточно популярные тогда в Москве литературно-философские кружки, одним из которых был салон А. П. Елагиной, матери основателей славянофильства братьев Киреевских [6]. Собрания многих корифеев славянофильства в этом салоне оказали настолько сильное влияние на юного Кавелина, что даже идейное и душевное сближение его в 1840-е гг. с самыми яркими западниками В. Г. Белинским, Т. Н. Грановским и А. И. Герценом не дает нам оснований относить его полностью к западникам.

Третья четверть XIX в. предстает периодом значительных перемен в мировоззрении К. Д. Кавелина. Вскоре после отмены крепостного права в 1861 г. - события, подготовке которого он отдал значительную часть своей жизни, Кавелин был откомандирован во Францию, а затем в Германию. Отправляясь в заграничную поездку, он еще считался современниками убежденным западником. Однако два года, проведенные за границей, довольно отчетливо обнажили для него реальные различия между Европой и Россией. Увиденное и пережитое на самом Западе заставило мыслителя по-иному взглянуть на российскую и европейскую действительность. Этот жизненный опыт оживил в нем почти угасшие славянофильские умонастроения, что подтверждают письма К. Д. Кавелина к губернатору Самарской губернии К. К. Гроту, писавшиеся с 1853 по 1861 гг. Грот был одним из самых близких его друзей и единомышленников в борьбе с крепостным правом.

Прежде всего, на русского мыслителя оказала влияние жизнь во Франции, о которой у него сложилось исключительно негативное мнение. Будучи за границей летом 1862 г., Кавелин признавался Гроту, что в течение трех месяцев в Париже испытал скорее отрицательные, чем положительные переживания. У него де появились основания недолюбливать «великий народ, идущий во главе цивилизации и прогресса». Вдобавок ко французской природной ветрености, по словам Кавелина, галломаны игнорируют ужасающий гнет, который у себя дома практикуют наследники Великой революции. По мнению этого русского наблюдателя, множество плохого в России буквально скопировано с французского образца, и таких копий гораздо больше, чем можно представить [1, с. 140].

Кавелин неоднократно затем высказывался о французах в негативном ключе, называя их невеждами-проходимцами. Хотя в начале 1870-х гг. среди наших соотечественников, побывавших во Франции, обычно складывалось довольно приятное впечатление об этой стране. Многие отмечали заметные перемены, прежде всего, молодежи к лучшему, их усиленную работу, небывалую серьезность в своих делах, активное изучение немецкого языка. Но Кавелина не особенно радовали такие перемены. Уже вернувшись из Европы, он описал Гроту из Санкт-Петербурга свои опасения по этому поводу. Дескать, не удается ему поверить в возрождение Франции, как и радоваться образованию и усилению «единой и нераздельной» Германии.

Достоинства этого последнего «племени», по мнению Кавелина, несомненны, но и недостатки и даже отталкивающие его стороны точно так же несомненны. А преобладание Германии в Европе было бы большим несчастьем и не светлой, а мрачной страницей в ее истории. В науке немец - космополит; в жизни практической - это сухарь, который тяжким свинцом ложится на все, что не есть германское. «К тому же, - продолжает Кавелин, - в последнее время немец утратил то добродушие и ту честность, которые ставили их так высоко. Они такие же плуты, как и все прочие народы, не исключая и французов. Сухая немецкая механика хуже и оскорбительнее всякого самого давящего деспотизма» [Там же, с. 152-153].

В 1873 г. относительно Франции он приходит к окончательному выводу, что эта страна служит живым доказательством того, что одного богатства и развитой промышленности мало для страны, а нужно еще нечто другое, чего Франция не имеет и чего, по мнению множества людей, вовсе не нужно для счастья народов - хоть немного нравственного чувства [2, с. 377].

Различия между Европой и Россией Кавелин подтверждает в переписке любопытной историей одного офицера, который на пари в трактире поцеловал незнакомую женщину, муж которой, американец, клоун, оторвал наглецу ухо, а когда последний выхватил шашку, то клоун перешиб ему руку. Герой-офицер без лишней огласки был переведен в Азию, где готовился тогда поход на Хиву, и таким удальцам - если они

действительно удальцы - представится много случаев полезно употребить свой излишний пыл. Это, как пишет Кавелин, по сути, не Европа, а Азия, и Азия не арабская или мавританская, а какая-то монгольская [1, с. 156].

Вернувшись в пореформенную Россию, Кавелин обнаруживает совершенный упадок во всех областях ее жизни. В этом смысле ярким примером чисто российского явления стала устроенная в 1872 г. в Москве «Политехническая выставка»: бриллианты в куче навоза, где рядом с киоском Петра, с отделами севастопольским, морским, военным - выставка париков и кос женских, конфет и шоколада, а рядом с замечательными предметами технического производства - образцовый помещичий дом, конюшни и скотные дворы, устланные коврами [Там же, с. 145]. Пожалуй, в столь придирчивых, желчных оценках заметны мизантропия, пессимизм мировоззрения этого мыслителя, впрочем, не редкие в отечественной интеллектуальной среде любого переходного периода.

Положение 19-го февраля 1861 г. об отмене крепостного права, подготовке которого Кавелин отдал значительную часть жизни, также не оправдало его надежд. Проводя много времени в селе Иванове Тульской губернии, он мог наблюдать русскую жизнь без прикрас, без театральной обстановки, во всей ее печальной, подчас ужасающей правде. По этому поводу он писал Гроту, что весь строй порядков и привычек у крестьян и помещиков - чисто крепостнический, который только снаружи соскоблен Положением 19-го февраля, но крепко сидит в нравах. Медленно выветривается крепостной строй. Собственно, переменились этикетки, а не сущность дела. Торговля такая же кулаческая, грабительственная; помещичья среда так же ничтожна, ветрена и пуста; попы так же обирают людей и поддерживают в народе выгодное для себя невежество и суеверие; администрация, правда, немного поумылась, но зато и ничем не интересуется, кроме исправного сбора податей, которые дерет несмотря ни на что. Общественная и экономическая анархия - полнейшая, которая всею своею тяжестью падает на простой народ и бедняков [2, с. 381]. Не без горечи Кавелин писал о том, что крестьяне беднеют из года в год. Этот факт при тогдашнем, на его взгляд, преступном невнимании к нуждам этого многочисленного и важнейшего элемента в России столько же печальный, сколько несомненный. А между тем с этим народом можно жить, как утверждал мыслитель, и можно вести его ко всему хорошему. Но надо приложить к этому руки и сердце, а в России на это охотников мало [Там же, с. 397].

Но несмотря на такую удручающую обстановку в России, Кавелин все же чувствовал грядущие перемены, о чем свидетельствует его переписка с Гротом. Он, дескать, видит, как в нравах, привычках, взглядах исподволь совершается глубокая коренная перемена, не в одних столицах и больших центрах, но и во всей стране, и все это предсказывает большие перемены в ближайшем будущем [Там же, с. 386].

Наблюдаемые повсюду нищета и мрак, покрытые, как отметил Кавелин, лохмотьями европеизма, не дают России возможности дальнейшего развития. В погоне за Европой лучшие наши силы уходят на поддержание роли великой державы, а для серьезной деятельности на пользу страны нет ни средств, ни времени. «В недалеком будущем, - дальновидно предостерегает мыслитель, - России придется горько за это поплатиться» [Там же, с. 382]. Кавелину печально сознавать, до какой степени русская мысль бесплодна, отвечает не на русские вопросы, до какой степени она вся - иностранная колония в России, игрушка досужих и праздных людей, а не вымученная, выстраданная самой жизнью и ее потребностями [Там же, с. 379].

В 1877 г. Кавелин пришел к выводу, что поиск Россией проторенных уже в Европе путей к политической свободе составляет нашу коренную ошибку, и это несчастие единственно оттого, что русские судят о себе и своем положении не по своим бытовым фактам и условиям, а по готовым европейским шаблонам [Там же, с. 391].

Как видно, черты жизненного реализма сочетаются в анализируемой эпистолярии с чертами предвзятости, исторического нетерпения. Историческая ретроспектива показывает, что так называемые великие реформы второй половины XIX века во многом способствовали успешной модернизации России именно по среднеевропейским меркам, хотя и нашими собственными темпами [4; 5].

К концу XIX столетия К. Д. Кавелин составил свой, единственно верный, по его мнению, образ пореформенной России: нищей, голодной, пытающейся догнать Европу, но при этом еще не до конца утратившей своей самобытности. Свои философские воззрения мыслитель отстаивал уже до конца своих дней. И хотя в это время он сам уже не считал себя ни западником, ни славянофилом, называя их в тех же письмах к К. К. Гроту русскими фантазерами, покрывшими себя срамом, которые отныне должны уйти со сцены [2, с. 396], тем не менее отпечаток именно славянофильских установок довольно отчетливо читается в его эпистолярных строках.

Список литературы

1. **Из писем К. Д. Кавелина к К. К. Гроту (1862-1883 гг.)** // Русская старина. СПб., 1899. Т. 97. Ч. 1. С. 135-157.
2. **Там же**. Ч. 2. С. 377-399.
3. **Касьянова К. О.** О русском национальном характере. М. - Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2003. 560 с.
4. **Миронов Б. Н.** Благосостояние населения и революции в имперской России. М.: Новый хронограф, 2010. 912 с.
5. **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи: XVIII - начало XX вв.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1-2.
6. **Семенова Е. В.** Литературно-философский синтез как феномен культуры России XIX в.: автореф. дисс. … канд. филос. наук. Калуга, 2009. 25 с.
7. **Сиземская И. Н.** Русская историософия как форма национального самосознания // Проблемы российского самосознания: мат-лы I Всероссийской конференции 26-28 окт. 2006 г. / редкол.: М. Н. Громов и др.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2007. 230 с.

IMAGE OF RUSSIA: FROM WESTERNISM TO SLAVOPHILISM (BY K. D. KAVELIN'S LETTERS)

Olesya Vladimirovna Pyzhova
Department of Philosophy
Kursk State Medical University
olvp@bk.ru

The author undertakes the attempt to show that in the Russian philosophy of the XIXth century there was the ideological evolution from one direction of thought to another and the searches of certain ideological compromises between them except the extremes of Westernism and Slavophilism. The author traces K. D. Kavelin's world-view transformation to the more realistic and multi-aspect estimation of the cultural experience of Western Europe in its correlation with the Russian reality of post-reform period by his letters.

Key words and phrases: Slavophilism; Westernism; post-reform Russia; Russia and Europe; image of Russia.

УДК 94(57):338.439.6

В статье анализируются источники и стратегии формирования продовольственного фонда, душевое потребление продуктов, тип питания сибирских горожан в 1960-е гг.

Ключевые слова и фразы: продовольственное снабжение; питание; стратегии потребления; городское население; Сибирь; история повседневности.

Светлана Анатольевна Рафикова, к.и.н., доцент
Кафедра отечественной истории и культурологии
Сибирский государственный технологический университет, г. Красноярск
svet4786@yandex.ru

СТРАТЕГИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ТИП ПИТАНИЯ СИБИРСКИХ ГОРОЖАН В 1960-Е ГОДЫ©

Питание - первоочередная человеческая потребность, удовлетворение которой зависит от многих факторов макро- и микроуровней. Но основа продовольственного фонда создается преимущественно благодаря развитию аграрного сектора экономики. После непродолжительной целинной эйфории с конца 1950-х гг. наметилась тенденция к ухудшению показателей сельскохозяйственного развития страны, ситуация быстро начала принимать черты продовольственного кризиса. Хотя в целом статистические сборники свидетельствуют о росте производства важнейших продуктов питания за десятилетие, но следует учитывать рост численности населения, его ускоренную урбанизацию, а также крайнюю нестабильность погодовой динамики [11, с. 273].

Особые трудности выпали на годы семилетки. В 1962 г. «временно» повышены в среднем на 25-30% розничные цены на продукцию животноводства, разворачивается кампания по жесткой экономии хлебных ресурсов. 1963 г. принес обострение ситуации. Критической отметки достигли зерновые трудности, запрещена продажа сортовой муки через торговую сеть, для массового потребления не выпекается белый хлеб и хлебобулочные изделия, доля сортовой муки при выпечке хлеба снизилась почти наполовину за счет ячменной, гороховой и других добавок, манка выдается только по справкам детских консультаций [2, д. 12, л. 74-79; 4, д. 508, л. 81, 113; 6, д. 3965, л. 25-30]. Но и этих экстраординарных мер оказалось недостаточно, и впервые за всю отечественную историю СССР закупил за границей 10 млн тонн пшеницы. Мясопродукты, ненадолго появившись после повышения цен на них, вскоре также исчезли, снизились удои и реализация молока.

Во второй половине 1960-х гг. наметилось некоторое оживление сельхозпроизводства, достигнутое за счет исправления очевидных ошибок головокружительной семилетки. Аграрниками этот период оценивается как время «нормализации экономической обстановки в сельском хозяйстве», чему в немалой степени способствовало проведение хозяйственной реформы 1965 г. [17, с. 19]. Либеральнее стали относиться власти и к подсобным хозяйствам граждан. К концу периода ситуацию удалось несколько стабилизировать, что позволило получить общие приросты по основным продовольственным группам за десятилетие.

Трудности продовольственного производства и снабжения в полной мере отразились на сибиряках. Причем в силу целого ряда причин регион острее ощущал недостаток продовольствия. В условиях его бурного индустриального развития темпы прироста населения, особенно городского, значительно превосходили рост сельхозпроизводства. Именно в рассматриваемый период Сибирь теряет свои преимущества послевоенных лет, когда прокормиться здесь было легче, чем в разрушенных и выжженных захватчиками районах. Сошло на нет и значение экстенсивных факторов развития сельского хозяйства. Если же к ряду перечисленных факторов прибавить и тот, что питание в Сибири должно быть более калорийным и рациональным в силу

© Рафикова С. А., 2011